УДК 82.085

Г.Г. ХАЗАГЕРОВ
Московский городской педагогический университет

ТРИ АСПЕКТА ИЗУЧЕНИЯ РИТОРИКИ (НА ПРИМЕРЕ ТЕОРИИ ФИГУР)

В статье констатируется, что изучение риторики может определяться тремя существенными разными целями. Отмечается, что цели эти корреспондируют с тремя взглядами на феномен риторической фигуры.

The article states the fact that studies of rhetoric can be determined by three main different aims. It is determined that these aims are parallel to the three views on the phenomenon of a rhetorical figure.

«Война за риторическое наследство», ведущаяся прямо и косвенно (отражаясь в курсах риторики и в экспансии риторической терминологии), на верхнем уровне рефлексии упирается в вопрос о том, зачем нам вообще нужны риторические знания.

В ответе на вопрос «зачем», который, к сожалению, редко ставится со всей определенностью, наиболее разумным представляется различение трех подходов. Первый, филологический, предполагает изучение риторических и метариторических текстов в целях постижения духовной культуры того или иного народа в ту или иную эпоху. Второй, лингвистический, предполагает изучение панхроничных и транскультурных («вечных») категорий риторики с целью использования их в порождении самых разных текстов. Третий, проективный, предполагает использование риторических практик в культурных проектах, цель которых – окультуривание общественного дискурса. Предлагаемая трихотомия восходит к представлениям Аристотеля о философских знаниях. Филологическому подходу соответствует знание «ради самого знания». Лингвистическому – знание «ради творчества», понимаемого в самом широком смысле слова. Это знания, полезные для порождения ораторских и любых других текстов, включая и поэтические. Проективному подходу соответствует знание «ради деятельности». В каком-то смысле это корреспондирует с известной аристотелевой трихотомией – видами красноречия. Изучение риторики ради текстопорождения под сугубо прагматическим углом аналогично судебному красноречию, так как основывается на анализе прошлого опыта с целью определения его пригодности для применения. Проективно-риторическая деятельность, изучение риторики ради ее поддержания как культурного института сродни красноречию совещательному, так как такая деятельность нацелена на изменение будущего. А историко-филологический взгляд на риторику вполне соответствует красноречию показательному.

Контрпродуктивно не только смешение филологического и лингвистического подходов, первый из которых нацелен на поиск специфического, а второй – инвариантного, но и лингвистического и проективного подходов, первый из которых объективен, а второй связан с идеологическими приоритетами.

Что касается теории фигур, то здесь разграничение трех подходов органично накладывается на три возможных истолкования базового определения фигуры как «отклонение от обычного выражения».

«Отклонение от обычного выражения», во-первых, может касаться конвенциональной стороны знаков, то есть рассматриваться вне проблемы мотивированности знаков. Тогда речь идет об отклонениях от принятых грамматических норм и, соответственно, о создании норм риторических. Это наиболее магистральный путь риторики, при

котором фигуративная речь противопоставляется обычной нормативной речи. При этом солецизмы и фигуры образуют некую пару, о которой еще Квинтилиан высказывался в том смысле, что фигура отличается от ошибки тем, что опирается на известный прецедент: «Но фигуры обычно поддерживаются авторитетом, древностью, обычаем, а иногда и другими особыми мотивами. Значит, отклонение от простой и прямой фразеологии – это украшение, если есть какая-либо достойная модель, на которую оно опирается» [4]. Ср. со следующим высказыванием М.Л.Гаспарова: «…грань между «ошибкой» (солецизм, варваризм) и «художественным приемом» (фигура, метаплазм) очень зыбка и может быть изменчива. Определяется она вкусом, то есть интуитивным ощущением, какой оборот употребителен, а какой нет» [1, с.580].

«Отклонение от обычного выражения», во-вторых, может основываться на мотивированном использовании знаков. Использование мотивированного знака (чаще всего иконического) так же маркировано, «необычно», как и отклонение от нормы, с которым оно может совпадать или не совпадать. Чтобы пояснить эту мысль, обратимся к феномену ономатопеи. Само по себе звукоподражательное слово, будь то междометие или слово знаменательное, не является отклонением от нормативного словоупотребления. Его необычность другого рода. Она состоит в том, что на фоне обычных чисто конвенциональных знаков встречается знак мотивированный. Наличием первого и второго подхода к фигурам соответствуют противоречивые высказывания о фигурах: с одной стороны, фигура понимается как нечто нарочитое (следствие первого подхода), с другой, напротив, наиболее *естественна* и потому незаметна (следствие второго подхода).

Второй подход реализовывался главным образом в отношении тропов, что закономерно привело к созданию исчислимого списка последних. В пределе этот список свелся к оппозиции метафоры и метонимии как фундаментальных свойств языкового мышления, что достигло своего апогея в известной работе Р.Якобсона [3]. В то же время собственно фигуры изучались главным образом с позиции первого подхода, который, вполне естественно, не приводит к закрытому списку фигур, что заложено в самом принципе конвенциональности. Но это не означает, что к большинству тропов не применим первый подход, а к фигурам нельзя подойти как к мотивированным знакам. Такой подход к тропам мы находим в первой же специальной работе о тропах – у Трифона [5], подход к словесной фигуре как мотивированному знаку наиболее последовательно осуществлен Т.Г.Хазагеровым и его учениками [2].

При последовательном разделении подходов окажется, что одна и та же фигура может быть рассмотрена и как аномалия, и как мотивированный знак, но есть фигуры, подходящие только под одно из определений: немотивированные аномалии и мотивированные неаномалии.

Различение двух взглядов на фигуру в точности соответствует различию в филологическом (фигура – конвенциональный знак) и прагматическом (фигура – мотивированный знак) подходах.

В-третьих, «отклонение от обычного выражения» может заключаться не в интенциональном нарушении нормы и/или следованию известному образцу (необычность в сфере прагматики), не в подключении вторичной мотивировки (необычность в сфере семантики), но в симметрии единиц плана выражения как таковых (необычность в сфере синтагматики). Например, исоколон (равенство отдельных частей высказывания) может быть определен не через отклонение от какой-то нормативной реализации и не через мотивацию (с которой он реально не связан, кроме отдельных случаев, когда равенство колонов выступает как знак-диаграмма). От обычного (среднестатистического) выражения исоколон отличается прежде всего повышенной симметрией.

Этот взгляд на фигуру не соответствует в точности третьему, проективному, подходу, хотя и заслуживает особого внимания. Как и первый подход, он связан с неким риторическим идеалом. Это видно по судьбе

горгианских фигур в торжественном красноречии разных эпох. Риторика как культурный проект (лингводидактика и культурное строительство) должна основываться на представлении о фигуре как о знаке конвенциональном и о фигуре как о симметричном образовании. Но если при филологическом подходе риторическая конвенция регистрируется, при подходе проективном она формируется и поддерживается с опорой на риторический идеал.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гаспаров М.Л.* Избранные труды. Т.1 О поэтах. М., 1997.

2. *Хазагеров Т.Г.* К вопросу о классификации экспрессивных средств (изобразительные схемы) // Проблемы экспрессивной стилистики. Сб. статей, Ростов-на-Дону, 1987.

3. *Якобсон Р.О.* Два аспекта языка и два типа афатических нарушений // Теория метафоры. М., 1990.

4. Quintilians institutes of oratory or elocution of an orator. London, 1909.

5. Τρυφωνοζ περι τροπων // Spengel L. Rhetores Graeci ex recognicione. Lipsiae, 1856, vol. III.